

Н.В. Чекунина
зав. сектором, хранитель коллекции «Нумизматика»,
Тверского гос. объединенного музея

Самобытный герб дьяка Семена Румянцева на блюде из собрания Тверского музея

11 октября 1926 г. в Тверской музей из тверского Спасо-Преображенского собора поступило круглое глубокое серебряное блюдо на низком поддоне русской работы (Тв. М КП 925. Размер — 5,5 x 31, 7 x 31,7 см. Вес — 588,08 г. Серебро 600 пр.). Надпись вязью по его борту гласит: «188 году (1679/ 1680 г.) декабря в 25 ден да сие блюдо во Тверь в Соборную церковь Преображения Спасова дьяк Семень Володимировичь Румянцов при Архиепископе Симеоне Тверском и Кашинском по своих родителях». На дне с тыльной стороны блюда — помета: «весу в ней: фунт и 57 золотников». В писцовой и межевой книге Твери 1685–1686 гг. блюдо названо среди предметов из ризницы Спасо-Преображенского собора как «кутейное».

Вкладчик Румянцев Семен Владимирович (? – не ранее 1685) — известный приказной служитель, дьяк (с 1659), служил в Тобольске (1659–1664), переписывал казну на Казенном дворе (1665), со стольником П.И. Потемкиным посланник в Испанию и Францию (1667–1668), дьяк Поместного приказа (1669–1676) и Новой чети (1664–1666, 1671), дьяк Астраханский (1676–1678), вместе со стольником С.Е. Алмазовым посланник в Дании и Бранденбурге (1679), дьяк Сибирского приказа (1680–1685).

Блюдо дьяка С.В. Румянцева в числе прочего интересно тем, что между началом и концом вкладной надписи на нем помещено изображение герба. В щите-картуше — изображение двухъярусной башни (с зубцами и воротами), пронзенной стрелой наискось вправо; геральдические цвета не обозначены. Щит без шлема увенчан дворянской короной, нашлемник — герб «Корчак» (польск. *Korczak*) — гамеиды (три бруска, сужающиеся от верхнего к нижнему). Гер-

бовый щит с наметом заключен в овальный венок из листьев, перевязанный крестообразно сверху и снизу.

По сторонам от герба — сокращенная уточняющая надпись из литер: «S», «R»/ «S», «Z»/ «N», «S», видимо, начинающаяся с имени вкладчика: «С[емен] Р[умянцев]...». Само изображение, таким образом, можно рассматривать как его самобытный личный герб. Приписывать этот знак и родителям Семена Владимировича, имен которых он не называет, вероятно, не следует.

Официально утвержденные гербы графов и дворян Румянцевых (ОГ III, 4 и IX, 43) к этому изображению никакого отношения не имеют, как и самобытный герб графа П.А. Румянцева-Задунайского (Гербовник Анисима Титовича Князева 1785 года, № 388 (98)). Известны графский и несколько дворянских родов Румянцевых (иногда Румянцовых), в родословии которых остаётся много вопросов.

Схожий с личным знаком дьяка Семена Румянцева герб использовался в конце XVII – начале XVIII в. дворянским родом Зеленских (польск. *Zieleński*) — потомством полковника Лубенского Дмитрия Зеленского (1701–1708). «В красном поле башня, пронзенная стрелой наось вправо. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной. Нашлемник: вооруженная мечом рука. Намет на щите красный подложенный серебром» (*Лукомский Б.К., Модзалевский В.Л.* Малороссийский гербовник. Минск, 2011. С. 60–61). Причина заимствования С.В. Румянцевым именно этого изображения точно не ясна.

Размещение личного герба на поминальном предмете, предназначенном для пространства церкви, в русской традиции XVII в. не было распространенной практикой. Самобытная геральдика приказных людей, как правило, ограничивалась областью прикладных печатей. Предметы же церковного назначения с гербами изготавливались по заказам социальной верхушки (цари, князья), а также были характерны для малороссийской дворянской традиции. Однако для середины XVII в. исследователями отмечается изменение мотивации вкладчиков, проявившееся в стремлении к индивидуализации вклада, «присоединению к церковно-богослужебному поминовению светской коммеморации».

Блюдо было прислано С.В. Румянцевым в Тверь какое-то время спустя после смерти его родителей, когда вкладчик уже сам был далеко не молод. Помимо спасения душ своей и родителей он своим вкладом очевидно преследовал и задачу сохранения памяти о себе и своем роде в ее социально-престижном аспекте. При этом выбор для вклада блюда для кутьи — предмета индивидуального, именного, специально предназначенного для поминовения — здесь вряд ли случаен. Неприкосновенность имущества храма способствовала сохранению памяти о вкладчике. Но в храмах, в отличие от мона-

стырей, как правило, не было вкладных книг, поэтому важную роль в этом деле играла вкладная надпись на самом предмете.

Решению задачи визуализации и утверждения социального статуса вкладчика служил и герб на рассматриваемом блюде — признак принадлежности к дворянской элите. Своим появлением этот личный символ мог быть обязан тому, что его владелец (участник нескольких заграничных дипломатических миссий) был хорошо знаком с европейскими геральдическими традициями. На это указывает и использование в уточняющей надписи к гербу латинских букв.

Интересны побудительные мотивы иногороднего вкладчика при выборе тверской соборной церкви (предположение о его происхождении из Твери не подтверждается документами). Семен Румянцев был вотчинником в Городском стане Чернского и Московском уездах, помещиком Можайским, вологодским, кинешемским и ярославским.

Возможно, что размещение им вклада в тверском храме было обусловлено авторитетом древней Тверской епархии (дьяком поместного приказа Семеном Румянцевым составлялись выписи для Тверского архиерейского дома в 1672–1674 гг.). Вкладчиками в Тверской Спасо-Преображенский собор были современники С.В. Румянцева: цари Алексей Михайлович и Федор Алексеевич, а также — «товарищ» дьяка Семена по посольству в Испанию и Францию стольник Петр Иванович Потемкин. Известно, что Румянцев и Потемкин были в Твери как минимум однажды. Указные грамоты из Посольского приказа зафиксировали, что вернувшееся на родину русское посольство, заставшее в Испании «вспышку морового поветрия», выдерживали в карантине: сначала в Пскове и Новгороде, а потом — около двух недель в декабре-январе 1668/1669 г. — в Твери.